

Только я глаза закрою —
предо мною ты встаешь!
Только я глаза открою —
над ресницами плывешь!
Григор Орбелиани. "Мухамбази"

У актрисы Нонны Терентьевой было доброе сердце.

Как-то зимой шла она со спектакля и подобрала у подъезда замерзающего голубка. Всю зиму она держала его в квартире, а весной выпустила.

Потом голубок прилетал к ее окну. Сядет, глянет вглубь, в темный сумрак согретого им гнезда, пощипет своим невинным взглядом ту, которая спасла ему жизнь, и высмотрев свою спасительницу, успокоенный, что жизнь в его гнезде не затихла, что в его ангеле еще квартирует жизнь, исчезал.

Он исчез совсем только тогда, когда однажды не увидел за окном никого, кроме застывшей на страже тишины.

Жизнь — клубок сплетенных случайностей, образующих в финале сплав, химический состав которого уже не вызывает ни у кого сомнений.

В кипящий солнцем летний день 1940 года на Приморском бульваре в Баку молодой лейтенант 28-го полка Бакинской армии ПВО Николай Новосядлов приметил хорошенькую статную волжанку Тоню Тимохину и влюбился в нее без памяти.

Он приезжал в Баку из третьего в то время по величине азербайджанского города Нуха, где была дислоцирована их воинская часть радиолокационной защиты, оборонявшая нефть страны.

А Антонина Федоровна Тимохина, из старинного волжского городка Балаково, из рода Зотовых, с 1939 года служила актрисой в Азербайджанском драматическом театре имени Азизбекова. Тут, право, подивись, какой восприимчивый и открытый миру русский народ: прирожденная — по характеру, речи, жестам, по всплеску эмоций — волжанка свободно играла роли на турецком языке.

От их вспыхнувшей внезапно любви — зимой, 15 февраля 1942 года, в полуболевшем им Баку, на улице Свободы, в Центральной больнице водников, в квартале от моря, в 4 утра и родилась Нонна.

Накануне была метель. Сильный ветер гнал с моря волны снега, который тут же таял на глазах. В небе носились и кричали чайки.

Я так крупно снимаю своим пером день ее рождения, потому что вижу в нем связь с ее поступательным, рапидным, плавным, волевым характером, холодной манерой держаться и взрывчатым темпераментом. Она была лед и пламень.

Рискуя сопоставить еще одну случайность, происшедшую в 1942 году в Алма-Ате. Режиссер Леонид Трауберг (которого Нонна высоко ценила и была счастлива однажды их встрече уже на склоне его лет) снял там захватывающую мелодраму о любви опереточной актрисы и командира Красной Армии, которую назвал с порочающей точностью — "Актриса". Актрису Зою Стрельникову, "Сильву", любимицу молодых защитников родины, без видимого усилия работы над образом воплотила в своей пленительной игре Галина Сергеева (девица Елизавета Русса в "Пышке" М.Ромма), родившаяся, как и Нонна, в феврале.

— Кузьма Терентьевич, скажите, пожалуйста, сколько ж вам лет? — игриво допытывалась Зоя у своего попугая, которого она всюду таскала с собой по гастролям (а разговор происходил среди мальчишек, позависших на

Актриса

Экран и сцена. — 1998. — июль-август. — (№ 30). — с. 10.

Юрий ПОЛЕНОВ-КОРШАК

ее попугая и подбивавших ее поменять его на их почтовых голубей). — Да вы не скрывайте, Кузьма Терентьевич. Тут все свои.

Я вам клянусь — это был голос Нонны! Ее голосовой жест, инфернальный его изгиб. Рентгеновский снимок ее голоса: интонации, тембр, ритм, вспыхивающие гласные (так же, как я слышу ее в Ольге Андровской, которую она обожала). И не только голос — пластика, рисунок движений, особенно когда Зоя Владимировна, забыв про тормоза, под хитовый рефрен "Скорей в мой Бороздин!", седлает — а не будет ошибкой сказать, что "въехала" на шею опереточной звезды Шишкина. Но голос — язык души. Это был голос ее Зои Монро из "Краха инженера Гарина". С этого момента я стал верить в переселение душ.

Однако вера верой, а если нет игры, то ничего не будет — в эту влекущую ее страсть Нонна верила беззаветно.

Где родится не изначально для дочери кадрового офицера, там и пригодится. Николай Самсонович Новосядлов в середине 50-х был послан в Румынию представлять интересы Варшавского договора при советском посольстве в Бухаресте, где Нонна и прожила три года прощания с детством под балканскими звездами.

У меня хранится роман известного польского писателя Казимежа Брандыса "Граждане" со следующей дарственной надписью: "Новосядловой Нонне за активное участие в работе и отличное поведение в период пребывания в пионерском лагере. Констанца — Ефария, июль 1956 г."

Меня не отпускает мысль, что именно Казимеж Брандыс, которому через семь лет, в 1963 году, как автору сценария, суждено будет прославиться фильмом Войцеха Хаса "Как быть любимой", благословил ее в путь через тернии к звездам.

Страсть по игре без границ, а по сути по гармонии толкала Нонну с актерской орбиты в смежные искусства. Еще за пределами киномира, в 11 лет, она занималась балетом в Ростове-на-Дону и после операции аппендицита обратилась за советом к Галине Улановой, написав ей письмо в Москву, можно ли ей в дальнейшем заниматься балетом. И Уланова ей ответила: "Можно".

Это волшебное слово вдохновило ее на поиски себя в той игре жизни, которая стоит свеч.

Когда в Ростов-на-Дону со Свердловской киностудии приехала съемочная группа фильма "Ваня", Нонна училась в десятом классе. Она сразу была замечена ассистентом режиссера и поставлена в кадр. Ей нужно было "высыпать" с подружками героини на школьное крыльцо, засмеяться и произнести свою первую в жизни реплику: "Леночка, смотри, вон твой рыцарь!"

Казалось бы, такой успех нужно было сразу закрепить на исполнительском пути, но юная десятиклассница в 1960 году поступает на режиссерское отделение Харьковского института культуры (города, откуда родом ее отец), а в 1962-м на кинофакультет Киевского института театрального искусства имени Карпенко-Карого, откуда она, начав сниматься в кино, без видимого усилия перевелась в "Щуку".

Она с нежностью вспоминала своих педагогов по Щукинскому училищу — Цецилию Львовну Мансурову, Анну Алексеевну Орошко и Бориса Евгеньевича Захаву, своих сокурсников Женю Стеблова, Марианну Вертинскую, Зифу Цахлилову, своего любимого режиссера Исидора Марковича Анненского, влюбленного в классики родителя легендарных кинохитов "Медведь" с боготворимой ею Андровской и Жаровым, и "Свадьбы" с Гариным и Раневской, но успевшего снять ее только в двух своих, последних, экранизациях — "Трое", Татьяна Автономова, по Горькому (1970) и "Таланты и поклонники", Нина Смелская, по Островскому (1973). Однако о людях, причинивших ей страдания, она не говорила никогда.

Она вообще ни о ком и никогда не говорила плохо.

Ни разу я не слышал от нее худого слова даже о тех, кто фактически отравлял ей жизнь. "Бог им судья..." И все. Нонна была очень терпимым человеком, по латыни — "толерантным". Всю боль она носила в себе, может быть, поэтому и оставила нас своим вниманием прежде, чем успела выразить нам свои чувства, хотя внимание зрителей с первой же роли, ступавшей в зыбкие воды жизни порывистой и нежной девушки Лены из фильма "Самый медленный поезд" (1963), уже следовало за ней как тень.

Пять лет, уже после "Щуки", которую она окончила в 1966 году, она играет на сцене

Академического театра русской драмы имени Леси Украинки в Киеве. Играл Ксению в "Разломе", Людмилу в "Детях Ванюшина", Машеньку — "На всякого мудреца довольно простоты", Элисон — "Оглянись во гневе", Ферри в "Странной миссис Сэвидж", Дораличе в "Браке по конкурсу".

Однако и в этот, пожалуй, самый плодотворный театральный период своей жизни Нонна настойчиво делила сцену с экраном и со всеми своими порывами к гармонии.

С этого "киевского периода" и ведет начало ее сценическая и экранная фамилия Терентьева. Скоро исполнится тридцать лет, как она вышла замуж за молодого инженера Бориса Валентиновича Терентьева, который впоследствии вел кафедру в Киевском строительном институте и был сыном известного на Украине строителя мостов, профессора, доктора наук в институте Патона, министра строительства УССР.

Счастье ее длилось ровно столько, сколько ролей ей удалось сыграть на сцене театра Леси Украинки, и единственная роль, в которую она так и не сумела вжиться (и про которую Станиславский бы сказал: "Не верю!"), оказалась роль жены молодого инженера. По амплуа и по сути Нонна была чеховской девушкой, артистической барышней из дворянского гнезда прошлого века.

Вернувшись в Москву, она достаточно долго работала в Театре-студии киноактера, но мне довелось видеть ее на этой сцене лишь в спектакле "Без вины виноватые" по Островскому в роли Нины Павловны Коринкиной, где она со вкусом играла в дуэте с Борей Бачуриным в роли Григория Незамова и наглядно оспаривала конкуренцию примадонны с Ниной Алисовой в роли Кручинной. Но уже тогда, а было это зимой 1984 года, она чувствовала себя неуютно и в роли, и в театре, который, что называется, уже пошел по рукам не талантом выдающихся режиссеров (хотя сам спектакль ставил Евгений Рубенович Симонов) и начинал погружаться, как Атлантида, в воды забвения.

В тот же период она сделала несколько отчаянных попыток выразить себя на режиссерском поприще, но ей не дали, играть на сцене ей было особенно нечего, и незаметно она вышла однажды из театра, чтобы не вернуться туда никогда.

Человеку нужно подниматься на самые высокие вершины, чтобы не утратить веры в себя. Ему нужно преодолевать инерцию среды, чтобы не скатиться вниз. Ему нужно отрывать от земли, чтобы избавиться от иллюзии, что точка его опоры в твердой почве под ногами, чтобы поверить, что она в собственном сердце и летит вместе с ним.

Но когда человек начинает жить по небесным законам, самым последним к нему приходит понимание того, что полеты его, какими бы высокими они ему ни казались, происходят только и исключительно внутри заданных при рождении орбит.

Вот с этой управляемостью своего небесного тела и его грядущим превращением в пламя Нонна никогда не могла смириться.

И не потому, что она боялась смерти, хотя и потому тоже. Она не выносила саму мысль о смерти и инстинктивно избегала всего, что о ней напоминало. Но идейной причиной ее душевного мятежа была, как и страх смерти, недолимая тяга к совершенству.

В ней жила певица, хореограф, художница, поэтесса, драматург, хотя с детства ей грелилась исключительно артистическая карьера.

Смотрю ли я ее пейзажи (есть у нее один зимний пейзаж, уголок старинного русского городка в прозрачной морозной дымке — сердце замирает) или сочные, как живые, натюрморты, или листаю ее искрящийся жизнью сценарий о романе наполеоновского генерала с прачкой, или слушаю ее, полную трагизма, рок-оперу "Феникс", незавершенную, прерванную на самом финале, слышу ее голос, редкой красоты и силы меццо-сопрано широкого диапазона, в котором она то манила соловья в небо, то вдруг умудрялась залезать в контральто. Этим голосом она с равной степенью убедительности и драматизма пела и русские романсы, и американские спиритичуэлсы на весьма убедительном английском языке. Я забывал в этот миг о себе, что практически невозможно, и вряд ли удастся хоть одному человеку на земле. И вспоминал только один, поднимавший меня со стула, голоса, принадлежащий певице, имя которой не на слуху — Ольги Дзусовой, божественно исполнявший Пиаф, Матье, зонги Брехта и с

нечеловеческой силой "Марсельезу", заставляя буквально дрожать от восторга и гордости за дух человеческий, делающий честь этой планете. "Ненужная звезда несуществующего жанра", как назвала ее в своем музыкальном портрете радиостанция "Свобода" и в этом момент я подумал о Нонне Терентьевой.

Есть люди, которые волнуют и тревожат, и среди них Нонна, которая волновала и тревожила своей игрой зрителей, смотревших с любовью и сочувствием на страхи и страдания восемнадцатилетней девушки Екатерины Ивановны Туркиной "В городе С." (1966), Наденьки, катившей с ледяной горки на санках с молодым баринком в "Шуточке" (1967), Анюты Благово, тайно любившей гонимого обществом Мисаила Полонезова в "Моей жизни" (1972), "ослепительной звезды, упавшей на тротуары Парижа" Зои Монро в "Крахе инженера Гарина" (1973), бившейся, как бабочка о стекло, Александры Демидовой в "Транссибирском экспрессе" (1977), срывающей парик и исчезающей в ночи Аллочки из кафе "Бом" в "Похождениях графа Невзорова, или Ибикус" (1982), наконец, лежащей на ложе смерти убитой героини Бет Тайсон, вся история которой будет раскрыта уже без ее участия в "Соучастии в убийстве" (1986)... актрисы, никогда не игравшей потолка роли и щедро дарившей своим зрителям возможность по-своему пережить ее экранную жизнь.

Последним ее появлением на экране была мама Нелли в фильме Саввы Кулиша "Железный занавес" (1994), где в сцене объяснения с возлюбленным дочери (которую играла Ксения Терентьева) она появлялась под собственным именем — Нонна Николаевна. Эта сцена игрой случая оказалась актом ее прощания с кино и передачей его факела мистически похожей на нее дочери.

Она была одержима поисками. Она была одинока в них, как бывает одинок настоящий художник. Она принесла свою жизнь, в полном смысле этого слова, в жертву искусству и этим, скорее всего подосознательным актом, бросила вызов Смерти. А эта безжалостная, безликая и бесчувственная сила, как и всякая сила в нашем мире, — никогда не бывает справедливой, потому что приходит к человеку не с весами судьи, а с мечом палача.

Нонна умерла 8 марта 1996 года в своей постели на улице Огарева, не приходя в сознание, тихо и покорно выпустив из глаз последнюю слезинку жизни в половине пятого вечера.

И это все?

Нонна разменяла шестой десяток, но даже до шестерки с нулем ей дожить не удалось.

Командир Красной Армии Петр Николаевич Марков, которого в год ее рождения блестяще играл Борис Андреевич Бабочкин в фильме "Актриса", чтобы отогнать тугу печаль, начинал умножать.

— Что с тобой? — спрашивал его комиссар.

— Шесть миллионов на десять... — Никак помножить не могу.

— Так ты ноль прибавь.

— Пробовал, не получается.

И еще. Двадцать лет я грелся в лучах ослепительной звезды, которая сумела не ослепить меня, но выжег во мне мысль сострадания к человеку. Она в том, что люди по большей части умны и великодушны, хотя представляются друг другу порой тупыми и ничтожными созданиями. И нужно научиться не искать в них ничтожность и тупость, а разбудить их ум и великодушие, как это делала актриса, побуждавшая своих зрителей к поискам совершенства.

Фото Б.БАЛДИНА